

Сказка Туве Янссон " Волшебная зима " Глава четвертая - Таинственные существа

Через несколько дней после похорон бельчонка Муми-тролль обнаружил, что кто-то стащил торф из дровяного сарая. От двери тянулись по снегу широкие следы, словно кто-то волочил за собой мешки.
"Это не Мю, – подумал Муми-тролль. – Она слишком маленькая, а Туу-тики берет лишь то, что ей нужно. Должно быть, это Морра".
Он отправился по следу – шерстка у него на затылке стояла дыбом. Ведь кроме него больше некому караулить топливо, так что это было делом чести.
След обрывался на горе, за пещерой.
Там и лежали мешки с торфом. Они были сложены в кучу и приготовлены для костра, а сверху лежала садовая скамейка семьи Муми-троллей, скамейка, потерявшая в августе одну из своих передних ножек.
– Эта скамейка будет красиво гореть, – сказала Туу-тики, высовываясь из-за костра. – Она старая и сухая, как нюхательный табак.
– Что старая, это точно, – согласился Мумитролль. – Скамейка довольно долго переходила из поколения в поколение в нашей семье. Ее можно было бы еще починить.
– Лучше смастерить новую, – сказала Туу-тики. – Хочешь послушать песню о Туу-тики, которая сложила большой зимний костер?
– Пожалуйста, – добродушно согласился Мумитролль.
Тогда Туу-тики начала медленно топтаться в снегу и петь:

К нам, одинокие, грустные,
к нам, в темноте заплутавшие,
белые, серые, русые,
в зимнюю стужу озябшие!
Бей, барабан, веселей!
Всех наш костер обогреет,
грусть и тревогу развеет.
Бей, барабан, веселей!
Пламя поярче раздуем,
машем хвостами, танцуем.
Бей, барабан, не молчи
в черной холодной ночи!

– Хватит с меня черной ночи! – воскликнул Мумитролль. – Нет, не хочу слушать припев. Я замерзаю. Мне грустно и одиноко. Хочу, чтобы солнце вернулось!
– Но как раз поэтому мы и зажжем нынче вечером большой зимний костер, – сказала Туу-тики. – Получишь свое солнце завтра.
– Мое солнце! – дрожа повторил Муми-тролль.
Туу-тики кивнула и почесала мордочку.
Муми-тролль долго молчал. А потом спросил:
– Как ты думаешь, заметит солнце, что садовая скамейка тоже горит в костре, или нет?
– Послушай-ка, – серьезно сказала Туу-тики, – такой костер на тысячу лет старше твоей садовой скамейки. Ты должен гордиться, что и она сгорит в этом костре.
Спорить с нею Муми-тролль не стал.
"Придется объяснить это маме с папой, – подумал он. – А может, когда начнутся весенние бури, море выбросит другие дрова и другие садовые скамейки".
Костер становился все больше и больше. На вершину горы кто-то тащил сухие деревья, трухлявые стволы, старые бочки и доски, найденные кем-то, не желавшим показываться на берегу. Но Муми-тролль чувствовал, что на горе полно народу, но ему так никого и не удалось увидеть.
Малышка Мю притащила свою картонную коробку.
– Картонка больше не нужна, – сказала она. – Кататься на серебряном подносе гораздо лучше. А сестре моей, кажется, понравилось спать на ковре в гостиной. Когда мы зажжем костер?
– Когда взойдет луна, – ответила Туу-тики.
Весь вечер Муми-тролль был в ужасном напряжении. Он бродил из комнаты в комнату и зажигал свечей больше, чем всегда. Иногда он молча стоял, прислушиваясь к дыханию спящих и слабому потрескиванию стен, когда мороз крепчал.
Муми-тролль был уверен, что теперь все таинственные, все загадочные существа, все, кто боится света, и все ненастоящие, о которых говорила Туу-тики, вылезут из своих норок. Они подкрадутся еле слышно к большому костру, зажженному маленькими зверюшками, чтобы умиловить тьму и холод. И наконец-то он их увидит!
Муми-тролль зажег керосиновую лампу, поднялся на чердак и открыл слуховое окошко. Луна еще не показывалась, но долина была залита слабым светом северного сияния. Внизу у моста двигалась целая вереница факелов, окруженная пляшущими тенями. Они направлялись к морю и к подножию горы.
Муми-тролль с зажженной лампой в лапах осторожно спустился вниз. Сад и лес были полны блуждающих лучей света и неясного шепота, а все следы вели к горе.
Когда он вышел на морской берег, луна стояла над ледяным покровом моря белая как мел и ужасно далекая. Что-то шевельнулось рядом с Муми-троллем, и, нагнувшись, он увидел сердитые светящиеся глаза малышки Мю.
– Сейчас начнется пожар, – засмеялась она. – Мы спалим весь лунный свет.
И в тот же миг над вершиной горы взметнулось ввысь желтое пламя. Туу-тики зажгла костер.
Он занялся мгновенно. Взвив, как зверь, костер вспыхнул снизу доверху багровыми языками пламени: отблески его трепетали на зеркальной поверхности почерневшего льда. Коротенькая сиротливая мелодия пронеслась у самого уха Муми-тролля – то мышки-невидимки, опоздав, спешили попасть на эту зимнюю церемонию.
Их маленькие и большие тени торжественно скользили по вершине горы. И вот начали бить барабаны.
– Твоя садовая скамейка тоже пошла в ход, – сказала малышка Мю.
– Ну ее, эту скамейку! – проговорил Муми-тролль.
Спотыкаясь, он карабкался вверх на оледенелую гору, сверкавшую в отсветах огня. Снег таял от жара костра, и теплые струйки воды стекали Муми-троллю на лапы.
"Солнце вернется, – возбужденно подумал он. – Конец темноте и одиночеству. Можно будет посидеть на веранде на солнышке и погреть спину..."
Он уже взобрался на вершину горы. Вокруг костра было жарко. Мышки-невидимки затаили новую, какую-то неистовую мелодию. Но пляшущие тени исчезли, а барабаны били уже по другую сторону костра.
– Почему они ушли? – спросил Муми-тролль.
Туу-тики поглядывала на него своими спокойными голубыми глазами. Но видела ли она его на самом деле? Он не был в этом уверен. Скорее она всматривалась в свой собственный зимний мир, живший из года в год по своим собственным, чужим для Муми-тролля законам. Ведь зимой он всегда спал в теплом доме семейства муми-троллей.
– А где тот, кто живет в шкафу купальни? – спросил Муми-тролль.
– Что ты сказал? – с отсутствующим видом спросила Туу-тики.
– Я хочу видеть того, кто живет в шкафу купальни! – повторил Муми-тролль.
– Его нельзя выпускать, – ответила Туу-тики, – ведь никогда не знаешь, что может взбрести в голову такому, как он.
Множество каких-то крохотных существ с длинными ногами промчались, словно струйки дыма, по льду. Кто-то с серебристыми

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

рогами, громко топая, прошел мимо Муми-тролля, а над огнем, широко размахивая крыльями, промчалось к северу что-то черное. Но все случилось так быстро, что Муми-тролль даже не успел познакомиться с этими таинственными существами.

– Туу-тики, миленькая, – попросил он, потянув ее за полу куртки.

И тогда она дружелюбно сказала:

– Вон тот, кто живет под кухонным столиком!

Это был совсем крохотный зверек с косматыми бровями: он сидел отдельно от всех и глядел в костер.

Муми-тролль подсел к нему и спросил:

– Надеюсь, хрустящий хлебец был не очень черствый?

Зверек посмотрел на него, но ничего не ответил.

– У вас такие удивительные косматые брови, – вежливо продолжал Муми-тролль.

Тогда зверек с косматыми бровями ответил:

– Снадафф уму-у.

– Что? – удивленно спросил Муми-тролль.

– Радамса! – сердито ответил зверек.

– Он говорит на своем собственном языке и думает, что ты оскорбил его, – объяснила Туу-тики.

– Но я вовсе этого не хотел, – боязливо сказал Муми-тролль. – Радамса, радамса, – умоляюще добавил он.

Тут зверек с косматыми бровями вскочил, вне себя от злости, и исчез.

– Что же мне делать? – произнес Муми-тролль. – Теперь он еще целый год проживет под кухонным столиком, не зная, что я пытался сказать ему очень приятные слова.

– Ничего не поделаешь, – вздохнула Туу-тики.

Садовая скамейка рассыпалась пламенным дождем.

На месте костра остались лишь красные угли, и снежная вода бурлила в горных расселинах.

Тут мышки-невидимки перестали играть на флейтах, и все разом устали на лед.

Там сидела Морра. В ее маленьких круглых глазках отражался ответ костра, а сама она казалась сплошной громадной и бесформенной серой глыбой. И стала гораздо больше, чем в августе.

Барабаны смолкли, когда Морра взгромоздилась на вершину горы. Она подошла прямо к костру и, не произнеся ни слова, уселась на него.

Угли страшно зашипели, и вся гора окуталась туманом. Когда он рассеялся, от пламенеющих углей не осталось и следа. Осталась лишь одна большая серая Морра, нагоняющая снежную мглу.

Муми-тролль сбежал вниз на берег. Вцепившись в Туу-тики, он воскликнул:

– Что теперь будет? Морра погасила солнце!

– Успокойся! – сказала Туу-тики. – Она пришла вовсе не для того, чтобы погасить огонь, бедняжка хотела согреться. Но огонь, как и все теплое, гаснет, когда Морра садится на него. Теперь Морра снова разочаровалась в своих ожиданиях.

Муми-тролль видел, как Морра поднимается и обнюхивает вмерзшие в землю угли. Затем она подходит к зажженной керосиновой лампе, которую Мумитролль оставил на вершине горы, и лампа гаснет.

Морра еще немного помедлила на вершине. Гора опустела, все разбрелись куда-то. Наконец Морра снова соскользнула на лед и растворилась в темноте, одинокая, как и прежде.

Муми-тролль отправился домой.

Прежде чем заснуть, он осторожно подергал маму за ухо и сказал:

– Этот вечер был не особенно веселый.

– Ничего, сынок, – пробормотала во сне мама, – может, в другой раз...

А под кухонным столиком сидел зверек с косматыми бровями и бранился про себя.

– Радамса! – твердил он, пожимая плечами. – Радамса!

Но, как видно, никто, кроме него самого, не мог понять, о чем он толкует.

Туу-тики удила подо льдом рыбу. Она думала о том, как это хорошо, что у моря бывают часы отлива, когда оно становится мелким и можно влезть в прорубь у мостков купальни и посидеть с удочкой на камне. Сверху тебя прикрывает зеленоватый лесной свод, а под ногами плещется море.

Все это похоже на черный пол и зеленый потолок, которые простираются в бесконечность, пока не сольются воедино и не станут сплошной тьмой.

Рядом с Туу-тики лежали четыре маленькие рыбки. Оставалось поймать еще одну, чтобы хватило на уху.

Вдруг Туу-тики почувствовала, что мостки качаются от чьих-то нетерпеливых шагов. А потом там, наверху, кто-то забарабанил в дверь купальни. Подождав немного, снова забарабанил.

– Эй! – закричала Туу-тики. – Я подо льдом!

Под ледяным сводом раздалось эхо: "Эй!" Много раз прокатившись взад-вперед, эхо повторило: "...подо льдом!"

Вскоре в прорубь осторожно просунулась мордочка Муми-тролля. Его уши были украшены выцветшими золотыми лентами.

Он взглянул на черную воду, дышавшую холодом, на четырех застывших рыбок, пойманных Туу-тики, и, задрожав, сказал:

– Оно никогда не вернется.

– Кто? – спросила Туу-тики.

– Солнце! – закричал Муми-тролль.

"Солнце! Солнце, солнце, солнце..." – вторило, удаляясь все дальше и дальше, эхо.

Туу-тики вытянула из воды леску.

– Не спеши так, – сказала она. – Солнце каждый год всходило как раз в этот день; оно взойдет и сегодня. Убери свою мордочку, тогда я смогу выбраться из проруби.

Туу-тики вылезла из проруби и села на крутую лесенку купальни. Она понюхала воздух, прислушалась и сказала:

– Через час. Садись и жди.

Малышка Мю прикатила по льду и уселась рядом с ними. Она крепко привязала к подошвам башмаков жестяные крышки от банок, чтобы лучше скользить по льду.

– Так, придется ждать новых чудес, – сказала она. – Но это не значит, что я против того, чтобы стало светлее.

Из лесу прилетели, хлопая крыльями, две старые вороны и опустились на крышу купальни. Минуты шли.

Внезапно шерсть на спине Муми-тролля встала дыбом, и после нескольких минут мучительного ожидания он вдруг увидел, как на сумеречном небе, низко над горизонтом зажглось красноватое сияние. Оно сгустилось в узкую неяркую полосу, рассыпавшую длинные лучи света над ледяным покровом моря.

– Вот оно! – вскричал Муми-тролль. Приподняв малышку Мю, он поцеловал ее прямо в мордочку.

– Ах! Нечего дурачиться! – сказала малышка Мю. – Не шуми! Не из-за чего!

– Ура! – продолжал кричать Муми-тролль. – Скоро наступит весна! Станет тепло! Все начнет просыпаться.

Схватив четыре пойманные рыбки, Муми-тролль подбросил их высоко в воздух, потом постоял даже на голове. Никогда прежде он не чувствовал себя таким счастливым, как теперь на льду.

В тот же миг лед снова потемнел.

Вороны поднялись в воздух и, медленно взмахивая крыльями, полетели в сторону суши. Туу-тики собрала своих рыбешек, а маленькая красноватая полоска тем временем опустилась за горизонт.

– Никак солнце передумало?! – в ужасе воскликнул Муми-тролль.

– Неудивительно, раз ты так ведешь себя, – сказала Мю и умчалась на своих жестяных крышках-коньках.

– Солнце вернется завтра, – утешила Муми-тролля Туу-тики. – И оно будет чуть побольше, уже как корка сыра. Не принимай это так близко к сердцу.

И Туу-тики полезла под лед, чтобы наполнить суповую кастрюлю морской водой.

Ясное дело, она права. Не так-то просто солнцу взойти. Но оттого, что кто-то прав, твое разочарование ничуть не меньше.

Муми-тролль сидел, глядя вниз, на ледяной наст, и внезапно рассердился. Злость зародилась где-то в животе, он почувствовал себя обманутым.

И ему стало стыдно оттого, что он шумел, оттого, что на ушах у него золотые ленты. Это еще больше разозлило его. В конце концов Муми-тролль почувствовал: он должен сделать что-то совершенно ужасное, такое, что ему запрещают, иначе ему не успокоиться. И сделать сию же минуту!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Он вскочил, перебежал через мост и ворвался в купальню, прошел прямо к шкафу и широко распахнул его дверцы. Там висели купальные халаты. Так же, как и летом.

И еще там лежал резиновый хемул, которого ему никогда не удавалось как следует надуть. А на Мумитролля смотрело незнакомое существо – маленькое, серое, с длинной шерстью и большой мордочкой. Внезапно оживившись, оно словно ветер промчалось мимо Муми-тролля и исчезло. Муми-тролль увидел, как его хвост, словно черный шнурок, проскользнул в дверь купальни. Кисточка хвоста застряла на миг в дверной щели, но потом вырвалась, и странное существо исчезло, будто его и не было.

Зато появилась Туу-тикки с суповой кастрюлей в лапах и сказала:

– Вон оно что, ты все-таки не удержался и открыл шкаф.

– Там сидела всего-навсего какая-то старая крыса, – угрюмо буркнул Муми-тролль.

– Это вовсе не крыса, – объяснила Туу-тикки. – Это тролль. Тролль – каким был и ты до того, как превратился в муми-тролля. Таким ты был тысячу лет тому назад.

Муми-тролль не нашелся что ответить. Он отправился домой и уселся поразмышлять в гостиной.

Немного погодя пришла Мю – одолжить стеариновую свечу и сахар.

– О тебе ходят жуткие слухи, – восхищенно сказала она. – Болтают, что ты выпустил из шкафа собственного предка. И утверждают, будто вы похожи друг на друга.

– Какая чепуха! Не говори глупости! – отрезал Муми-тролль.

Он поднялся на чердак и отыскал семейный альбом. Муми-тролль листал страницу за страницей, и всюду, чаще всего на фоне изразцовых печей или на верандах, были изображены вполне достойные муми-тролли. Ни один не напоминал тролля из шкафа.

"Должно быть, это ошибка, – подумал Мумитролль, – он не может быть моим родственником".

Он взглянул на своего спящего отца. Только мордочка его напоминала морду тролля. Но, может, тысячу лет тому назад?..

Вдруг зазвенела хрустальная люстра. Она тихонько качалась взад-вперед, а в окутывающем ее тюлевым чехле что-то шевелилось: мохнатое, маленькое, с длинным черным хвостом, свисавшим прямо между хрусталиками.

– Это он, – пробормотал Муми-тролль. – Мой предок поселился на люстре в гостиной.

Но это вроде бы было не так опасно. Муми-тролль уже начал привыкать к чудесам волшебной зимы.

– Как поживаешь? – тихонько спросил он тролля.

Тролль посмотрел на него сквозь тюль и помахал ушами.

– Будь поосторожней с хрустальной люстрой, – предупредил его Муми-тролль. – Это фамильная драгоценность.

Тролль, склонив голову набок, посмотрел на него внимательно, с нескрываемым любопытством.

"Сейчас он заговорит, – подумал Муми-тролль. И в тот же миг он страшно испугался: неужели предок что-нибудь скажет? А вдруг заговорит на иностранном языке, как тот зверек с косматыми бровями? А вдруг он рассердится и скажет "радамса" или что-нибудь еще в этом роде? И тогда их знакомству – конец".

– Тсс! – прошептал Муми-тролль. – Лучше ничего не говори!

Может, они все-таки родственники? А родственники, которые приходят в гости, могут остаться надолго. А тем более если это предок, он может остаться навсегда. Кто знает. И если вести себя неосторожно, он может тебя неправильно понять и рассердиться. Придется им тогда всю жизнь жить вместе со злым предком.

– Тсс! – повторил Муми-тролль. – Тсс!

Предок, ничего не отвечая, стал трясти хрустальную люстру.

"Я покажу ему наш дом, – подумал Муми-тролль. – Мама непременно бы это сделала, если бы какой-нибудь родственник явился к нам в гости".

Взяв лампу, он осветил красивую картину, которая называлась "Филифьонка у окна". Тролль посмотрел на картину и встряхнулся.

Муми-тролль прошел дальше, к плюшевому дивану и осветил его лампой. Он показал троллю по очереди все стулья, зеркало в гостиной и трамвайчик из пенки, одним словом – все самое ценное и красивое, что было у семьи муми-троллей.

Тролль все внимательно рассматривал, но явно не понимал, что ему показывают. В конце концов Мумитролль, вздохнув, поставил лампу на выступ печки.

Но тут тролля явно что-то заинтересовало. Будто мешок с тряпьем, вывалился он из хрустальной люстры и беспокойно забегал вокруг печки. Он совал голову в отверстия печки и обнюхивал золу. Он очень заинтересовался вышитым бисером шнурком, с помощью которого открывали вьюшки, и долго тыкался носом в щелку между печкой и стеной.

"Должно быть, правда, что он – мой родственник, – разволновавшись, подумал Муми-тролль. – Ведь мама всегда говорила, что наши предки жили за печкой..."

В этот миг зазвонил будильник, который Мумитролль обычно ставил на то время, когда наступали сумерки и когда он больше всего тосковал от одиночества.

Тролль остолбенел, а потом бросился в печку, так что зола поднялась серым облаком ввысь. Через минуту он уже сердито загромыхал вьюшкой.

Муми-тролль выключил будильник и прислушался – сердце его колотилось. Но ничего больше не было слышно.

Немного сажи тихонько выпало из трубы, а шнурок вьюшки закачался.

Муми-тролль влез на крышу, чтобы успокоиться.

– Ну, как тебе живется с дедушкой? – крикнула малышка Мю, съезжая с горки на санках.

– Отлично! – с достоинством произнес Мумитролль. – В таком древнем роду, как наш, все знают, как нужно себя вести.

Муми-тролль внезапно очень возгордился тем, что у него есть предок. И вдобавок его самолюбие приятно щекотало то, что у малышки Мю никакой родословной не было и что она скорее всего появилась на свет случайно.

В ту ночь предок Муми-тролля переставил мебель во всем доме. Делал он это совсем тихо, но удивительно энергично.

Он передвинул диван к печке и перевесил картины. Те, которые нравились ему меньше, он повесил вверх ногами. (А может, это были как раз те картины, которые ему больше всех приглянулись. Кто знает!)

Мебель была передвинута, а будильник брошен в помойное ведро. Вместо этого тролль приволок с чердака кучу старого хлама и нагромодил его вокруг печки.

Пришла Туу-тикки и, взглянув на весь этот разор, сказала:

– Я думаю, он хотел создать себе домашний уют. – Туу-тикки потеряла нос. – Он пытался окружить печку надежным частоколом, чтобы никто не мешал ему в ней жить.

– Но что скажет мама? – беспокоился Мумитролль.

Туу-тикки пожала плечами.

– А зачем тебе понадобилось выпускать его из шкафа? – сказала она. – Во всяком случае этот тролль ничего не ест. Страшно выгодно и для тебя, и для него. Попробуй отнестись ко всему этому как к забавной истории.

Муми-тролль кивнул.

Немного подумав, он залез в кучу ломаной мебели, пустых ящиков, рыбачьих сетей, рулонов бумаги, старых корзин и садовых инструментов. Очень скоро Муми-тролль понял, что там необычайно уютно.

Он решил спать в корзине с древесной стружкой, стоявшей под испорченной качалкой.

По правде сказать, он все это время не чувствовал себя по-настоящему надежно в полутемной гостиной с пустыми окнами. А спящая семья навевала на него тоску.

Теперь же, в тесном пространстве между ящиком с пожитками, качалкой и спинкой дивана, он чувствовал себя совершенно уверенно и ни капельки не боялся одиночества.

Сквозь отверстия в дверце печки он видел частицу темного пространства, но, не желая мешать предку, утеплял стены своего нового жилища как можно тише.

Вечером он взял с собой лампу, лег и слушал, как в печке шуршит предок.

"Вот так и я, быть может, жил тысячу лет тому назад", – зачарованно думал Муми-тролль.

Он решил крикнуть в трубу что-нибудь такое дружеское, в знак тайного согласия. Но потом отказался от этой мысли, погасил лампу и, свернувшись калачиком, глубже зарылся в древесную стружку.